

Проектан в Овдусемице
Друзей Музей Парижа 28. III. 1935.
на берегу молланы урбоды
Федересе Денисовска.

Гаревод. II

Аида Виестур

Чувство любви и благодарности собрало нас сегодня. Чувство любви и благодарности к ушедшему от нас основателю нашего общества, к нашему воспитателю, отцу, другу, - Доктору Феликсу Денисовичу Лукину. Друзья, эта чистая любовь пусть соединит наши сердца в высшем духовном созвучии, а эта благодарность к великому дающему сердцу пусть зарождает в наших сердцах всё большее пламенное устремление к отдаче и служению. И если мы хотели сегодня собраться, чтобы вспомнить об основателе нашего общества, то не затем мы это сделали, чтобы скорбеть и тосковать об его уходе с этого плана. Нет, не затем мы собрались. Но затем, чтобы в духе увидеть тот огненный образ, через который в наши сердца лился свет. И чтобы, оглядываясь в духе на его огненный образ, им зажженные в нас огни пламенели-бы ярче, мощнее, чтобы сила, толкающая нас на путь светлый, становилась - бы в нас все могучее.

Сейчас, когда мы все думаем об одном, мне хочется вспомнить те мгновенья, когда так ярко звучала глубочайшая сущность нашего милого, вспоминаемого сегодня Доктора. Я вспоминаю наши воскресные собрания. Мы все приходили с нам самим непонятным чувством неудовлетворенности, тревоги, с зовом духа о истинном смысле жизни, со стремлением познать еще непознанное. "Приближаясь к Непознаваемому, вы дойдете до истинного смысла жизни. Это вы сможете, если позволите звучать своему духу, если будете прислушиваться к голосу Великой Беспредельности в ваших сердцах." Когда Доктор нас так учил, его живое пламенеющее сердце, его мощное устремление и чистое духовное звучание разрешало в нас нам самим еще мало понятное. И мы слышали, как в нашем существе где-то глубоко что-то звучит и трепещут полу-осознанные тон-

2 II
2.

кие струны. И когда мы, читая Учение, доходили до места трудно - понимаемого, он говорил: "Да, об этом надо подумать. Как вы это понимаете?" - спрашивал он нас и советовал нам всем вместе думать о непонятном, обратиться с вопросом в пространство. Тепло вспоминать его слова: "подумаем вместе". Эти простые слова сближали нас и вместе с тем заставляли нас чувствовать красоту космическую, давали представление о том, сколько в космосе тайн, красоты и величия. Силой пламенного сердца водимые, сливались наши сердца, усиливая возможность касания со светом тонких миров и, понимая непонятное, - почувствовать Высшее Водительство. Не знаю, что это было, - соприкосновение-ли с миром огненным, или-же близость других тонких миров, но что-то могучее, неповседневное входило в нас. Мы наполнялись благолепием.

Бывало так - если мы понятое и не всегда могли выразить словами, то всегда чувствовали, - сердцем-то мы это понимаем; тогда Доктор пояснял нам, подтверждая наше подсознательное чувство. Таковы были наши воскресные собрания. Это был не только разбор Учения, нашего Нового Знания, не только теоретические разговоры, которые развивают ум, расширяют сознание, но это были также часы воспитания и совершенствования наших сердец.

Так милый Доктор нас учил и воспитывал, своим сердцем указывая, как приблизиться ко Всевышнему. Да, такое воспитание сердцем и без многословия могло дать только такое сердце, какое было у нашего Доктора: в жертвенности пламенеющее и в высшей духовности звучащее. Его существо без слов подтверждало то, на что нам указывала в своих письмах Е.И., когда писала: "блюдите торжественность на ваших собраниях, ибо в щебетании птиц больше торжественности, нежели в людском ^{сн} наречии." Так и было. Мы входили в помещение наших воскресных собраний как в храм. Без многословия, больше своим чистым звучанием

Доктор говорил нам, что здесь нет места обиденности, болтовне, что мы всегда должны находиться в токе светлых мыслей. Доктор был против обсуждения отрицательных сторон жизни, ибо это лишь способствует злу. "Это не наше дело. Против каждой темной стороны жизни мы должны выдвигать противоположную - светлую. Тогда тьма сама уйдет. Она не в силах опротивляться сиянию света," - говорил доктор словами Учения. "Это место, где мы сходимся, чтобы углубляться в святые слова, должно быть чистым, чтобы быть местом провода с Высшим." Такой связью с Высшим был и сам Доктор.

Вспоминаю Ясный июльский день в Огере. Несколько наших наших членов вместе с доктором отправились однажды утром туда, чтобы посетить горы Огера. Много тропинок было пройдено. Усталые от солнца и аромата цветов, мы уселись на пригорке. Тишина объала нас. Никто не говорил. Что думают друзья? Или прислушиваются к шопоту зеленой земли и синего неба? Я взглянула на Доктора. Его взгляд терялся в дали. Что-то божественно-сияющее, любовью овеянное излучалось из него. И хотелось спросить его - о чем Вы думаете? Но я не осмелилась, а через минуту он спросил сам: "сколько раз вы сегодня вспомнили о Учителе?" Тогда мне стало ясно, о чем так задумался наш водитель. Да, он был нашим водителем, которому мы все доверяли и которым он мог довериться, не потому, что этого требует наш Иерархический порядок, а потому что мы все чувствовали его духовное превосходство.

Я помню еще один разговор со знакомыми, которые привели меня в общество. Разговаривали сперва об Учении, а потом о Докторе. Они говорили: "...а Доктор как человек-замечателен. Мы все его любим. Вы сможете с ним говорить обо всем, можете подойти к нему как к отцу и другу и высказать все то, что являет горести и непонимание. Я выслушала и подумала: "всего того, что у меня на сердце, я конечно

не смогу ему сказать." Но когда я пришла в общество и слышала его, что-то растаяло во мне и сердце само-собой раскрылось. Его солнечность уничтожила опутанный тенетами ума холод формальности и позволила расти сердцу. Его лучезарность привлекала нас. Он не подчинял нас себе, мы сами подчинялись излучавшемуся из него свету. С глубочайшим почтением мы приближались к нему, ибо он был нашим глубочайшим живым примером, своей всею жизнью подтверждая Учение. Мы все знаем, как велик он был в сострадании. При виде страдания других, он забывал о себе. В этом самопожертвовании он был достойным последователем нашего Великого, Состраданием названного, Учителя. О том свидетельствуют те сотни и тысячи ^{семейных} в/очагах Латвии, которые получали от него помощь. Они уходили от него не только как от врачевателя тела, но уносили с собой и богатый материал для размышления, ибо Доктор в свое дело служения постоянно вкладывал Учения. Или он указывал пришедшим, что все законно, ничто не прощается, или какуюнибудь другую истину жизни. Он выслушивал каждого, и хотя часто и знал, что пришедший собирается сказать, никогда не останавливал словами: "знаю-уж, все знаю." Ибо он знал больше: что Учение в жизни он претворит лишь имея терпение, сострадание и бесстрашие. "Первые препятствия при осуществлении Учения в жизни - это раздражение и нетерпимость. Нужно приобрести абсолютное духовное спокойствие, в основе чего будет бесстрашие, терпение и сострадание. Без раздражения вы перенесете все жизненные невзгоды, если у вас будут терпение и бесстрашие. Терпимость и сострадание должны быть явлены в ваших отношениях," - говорил Доктор. Терпелив и полон сострадания он был, ибо сознавал ответственность сердца, - ответственность за все те слова, с которыми он подходил к чужому сердцу. Уча Доктор говорил так, чтобы не прервать чужую мысль, но влить кровь новой жизни, укрепляя дух и осознание света. Слово его ответа не было гвоздем гроба, но лучем врача. И как осто-

рожно он подходил и прикасался к более застенчивым. Эту его тактичность подхода мне хочется выразить словами Учения: "Слышите зов даже в падении лепестка розы".

Вспоминая о Докторе, должна сказать - он бывал и строг. Строгим и суровым он был, когда прикасались к святине без осознания ее святости. "Оставьте обувь за дверь, здесь вы входите в святая-святых." Эти слова Доктора дали нам понять, что мы не смеем опускаться в обывательство.

Вспоминая все это, слышатся и его другие, окрыленные глубоким убеждением слова. Они нам дали, дают и требуют, чтобы и мы дали. Та любовь, которую хотят излучать наши сердца, только отблеск его радости отдачи. Объединяя священные огни сердец, мы хотим полученную любовь излучать и с радостью служить Иерархии Света. Радость эту мы хотим посылать в дальние миры, как привет нашему первому водителю, воспитателю, отцу и другу, который ушел в дальние миры черпать вечный свет из источника солнца солнц. Неужели там, на дальних мирах не распустится прекрасный огненный цветок?
Тебе и с тобой Беспредельности.

Ирина Вячеславовна

Проектан в Обществе
Друзей Музей Религии 28. III. 1925 г.
на берегу памятника уюда
Феликса Денисовича.

Перевод.

I
6

Э. и Р. Рудзитис

ОГНЕННОЕ СЕРДЦЕ.

Мы сегодня вспоминаем того, кто нашему обществу был больше чем его основатель, больше чем его председатель и водитель, — кто был друг, старший брат и отец членам, под сенью сердца кого мы усовершенствовались и росли, кто отдал для продвижения общества самое светлое пламя своего духа, лучшие импульсы своего сердца, полнозвучие своей жизни.

Думая о свете, преисполняемся светом. Думая о том, кто перешел в Свет Высший, пусть каждый из нас в этот час всей сущностью своей стремится приобщиться к Совершенному Свету, пусть каждый из нас даст себе обет бесповоротно, что трепет света священного даже на миг его больше не покинет.

Феликс Денисович был человеком, носившим в себе великую божественную неудовлетворенность. Он неустанно работал, искал, испытывал, бодрствуя над высшим знанием и над многообразными проявлениями окружающей жизни. Его пламенный неослабевающий порыв к познанию, его жажда самоусовершенствования всегда стремились воплотиться в творческий труд на благо человечества.

Наряду с чисто научной деятельностью на медицинском поприще, Ф.Д. с неисчерпаемой энергией отдавался культурно-общественному труду. Он являлся сооснователем нескольких обществ, будучи многолетним председателем совета Общества борьбы с туберкулезом, он принимал самое горячее участие в борьбе с этим бедствием. Все-же, главный этап его жизни, радикально изменивший всю его жизнь, зажегший его сознание небывалым пламенем, вдохновлявший и претворявший его медицинские открытия, начался с момента его знакомства с Учением Живой Этики.

Из небольшого философского кружка, вначале приютившегося в кабинете Доктора, вскоре, под его водительством, выросла организация, которая в 1930. году регистрировалась и перешла в собственное помещение. Это пламя священного огня, которое Ф.Д. сам зажег, с большим вдохновением, рвением и любовью он старался расширить и укрепить. Самую большую радость в его жизни ему давал каждый, хотя-бы малый успех общества. Самое большое горе ему доставляла неудача общества. В основу общества он клал свои самые возвышенные силы и помыслы. Он пламенно горел устремить общество ввысь.

Вспомним, хотя-бы, насыщенный ритм его/труда. Он вставал ^{повседневного} рано, читал Учение, составлял планы и рефераты, писал письма, готовил медикаменты. Потом прием больных, а вечером он снова среди членов, чтобы читать рефераты, руководить группами, вести дебаты и вдохновлять. В сиянии добра проходил каждый миг его дня. С большим энтузиазмом думал он об укреплении идеи Знамени Мира в сознании народа. Незадолго до его ухода, это знамя общества было торжественно открыто. Вспомним, с каким сознанием ответственности заботился он об основании Всемирной Лиги Культуры и Единения Женщин в Латвии, об утверждении основ нашего кооператива. Высокий взлет своего духа он выявил в своей речи-брошюре - "Задачи женщины новой эпохи." Его большие заслуги на пользу общества признал также Центр Музея имени Рериха, избрав его своим почетным советником, далее- избрав его в Совет организации Вашингтонской конференции Знамени Мира. Кроме того - он был членом-корреспондентом Гималайского Института "Урусвати", ему было также поручено наблюдение над всеми отделами общества в Балтийских странах.

Именно в последнее время тысячи новых планов зарождались у Доктора. Он так и горел в стремлении их во что-бы то ни стало осуществить. Он уже в духе предвидел возрастающий рост и силу нашего общества, он желал, чтобы оно поистине стало центром, излучающим свет.

Одновременно с тем, как Ф.Д. принял Учение Живой Этики, его жизнь стала пламенной, полной самоотречения и жадной самоусовершенствования. Он поставил Закон Космической Гармонии абсолютным мерилom, которым соизмерял каждый шаг своей жизни. В сердце своем постиг он Учителя - выявителя этого абсолютного Закона на земле, и посвятил ему все свои стремления и импульсы. В его жизни после этого можно было наблюдать удивительное продвижение вперед. То, что больше всего поражало в Ф.Д. за последнее время, и перед чем, поистине, можно преклонить голову, была его суровая борьба с собой и победа над собой, его мужественное самодисциплинирование. С какой настойчивостью и сознательностью он очищал и преображал себя. Вспомним, как он ежедневно призывал членов сожигать свои пороки, или как он советовал в каждый день недели искоренять какой-нибудь определенный свой недостаток, напр., по понедельникам не раздражаться, по вторникам - не осуждать, и т.д. В последнее время он удивительно владел собой - он старался не раздражаться даже тогда, когда приходилось слышать самые неприятные вещи. Он всегда напоминал членам также о большом вреде раздражения. Эта жажда самоочищения горела так глубоко в его душе, горела до последней минуты, что 24-го марта, за несколько дней до своего ухода, Ф.Д. просил г.Стуре передать нам эти его слова:

"В старину, в дни больших переживаний, был обычай давать себе обет очищения. Пусть каждый сегодня, под этим священным Знаменем, даст обет очиститься от тех слабостей, какие он имеет."

Неотступно и неустанно Ф.Д. испытывал свои силы, задавал себе все новые и более трудные задания, налагал на себя все новые обязанности, постоянно претворял себя, бодрствуя над каждым импульсом своего сознания.

Ф.Д. был ригористически суров к себе: себя он не жалел никогда, в то время как к другим выявлял бережливость и внимание.

Можно было чувствовать, что каждый указ Учения, как непреложный закон, как нечто сокровенное лежало на его сердце, что он горел желанием как можно скорее все осуществить. Так, получив манускрипт книги "Сердца" и прочтя, что в торжественности и торжественном напряжении духа спасение человечества, Ф.Д. еще больше старался поднять атмосферу возвышенности общества. Также знаменательно вспомнить, как сознательно Ф.Д. пытался развивать у себя внимание, чуткость, находчивость и вмещение, эти краеугольные камни новой Этики, напоминая то-же делать и членам. Так-же старательно Ф.Д. старался смыть с себя остатки старого мышления, освободиться от предубеждений и мелочности. Под конец он признал, что лучше всего можно очистить и сгармонизировать себя — воспитывая свое сердце. Он знал, что путь спасения человека идет через его сердце, что лишь сердце доведет его до высшей гармонии духа, до Мира Огненного. И как эта жажда, эта тоска по высшему совершенствованию отражалась на членах:— слушая его становилось как-то стыдно за себя, ибо его устремление было всегда больше, его жажда— огненное.

В Учении Живой Этики Ф.Д. каждую проблему, истинно, сам завоевывал, познавал в борьбе. А ничто ему не давалось легко. Он сам признавался, что боролся в одиночестве ночи и слез. Его неограниченное устремление доходило до смертельной усталости. Но зато он выросал огненно.

С утверждением в основах Учения, в Ф.Д. расцвела чуткость и терпимость к другим. Он старался выслушать каждого, вместить и ~~ни~~понять каждый голос и каждому помочь. Также он окончательно отбросил осуждающее отношение, поняв глубоко, что Учение не признает отрицания. Всей своей сущностью он призывал утвердить положительное творчество, перенести все сознание в будущее человечества, пламенно устремиться к Миру Новому.

Ты вел нас к Заре дивного Утра,
 Ты призывал нас построить свою жизнь как космическое строение,
 Преобразить свою жизнь в подвиг-приношение во благо
 Великой Зари человечества.

Ты верил в нас и многого ждал от нас.

Ты надеялся возвысить нас до истинных сотрудников;
 Ты призывал нас сплотиться в едином духе.

Сотрудничество — было сокровенное слово твоего завета,
 Сотрудничество — самый могучий лозунг будущего,
 Сотрудничество, — закон, направляющий звезды и системы,
 Сотрудничество, что стремится все ступени Иерархии Света
 в Беспредельность.

Сотрудничество — единые врата к Великому Завтра,
 Ибо тут братство, тут человечность,
 Тут открывается любовь и сострадание,
 Тут терпимость и благоговейное почитание Господа другого,
 Тут тихое, гармоническое соприкосновение душ
 Тут ежеминутное сеяние цветов-лучей прекрасного,
 Ибо — где-же большая красота, чем во взаимных отношениях людей,
 Где-же мы еще можем насадить прекраснейшие звездные сады,
 если не в чутких вибрациях отношений?

Именно в сотрудничестве на общее благо выросла
 в Ф.Д. его большая благожелательность, что он излучал всем.

Он видел человека лучшим, нежели он был, и таким образом вызы-
 вал в нем желание стать таковым. Он знал внутренний мир каждого
 члена общества, и потому доверялся ему. К нему члены шли как
 к своему исповеднику, открывая ему самые интимные свои горести.

Он выслушивал их часто часами, не считаясь со своим временем и
 давал советы. Помогал духовно, а если находил нужным, и мате-

риально. Его взор направлялся прежде всего, к более слабому. Он понимал, что именно последний больше всего нуждается в солнце, чтобы вырости.

Ф.Д. являлся истинным целителем не только тела, но и духа. Об этом свидетельствуют не только члены общества, но также многие тысячи больных, приходившие к нему. Для каждого у него находилось слово ободрения. Он видел всех, одним взглядом, одним словом он воспринимал боль каждого и одной лаской ³глаз уже утешал, ободрял, кладя руку на плечо давал новые силы. Это был свет сердца, что исходило из него, свет, целивший других, воспитывавший, возвышавший уже одним своим присутствием. К нему обращались те, кто потерял смысл жизни и томился отчаянием, но еще чаще — многие искатели, почувствовавшие веяние Новой Эпохи Света. Так Ф.Д. являлся постоянным вдохновителем других. Он дорожил каждой минутой, когда он мог выявить себя в пользу других. Даже его противники признавали его исключительную человечность, его отзывчивое сердце и дружелюбие.

Ф.Д., наконец, вырос мужественной, полновзвучной индивидуальностью. Солнце и лев пустыни. Юношеская, гетевская бодрость была в нем. Он был человеком с широким жестом. Мелочи отпадали от него. Он нес в себе большой такт и чуткость. Поражала его энергия и неотступность. С яркой волей, большим сознанием ответственности и горением шел он "верхним путем". "Огненное сознание дает ведь несокрушимый оптимизм." Потому и выявлял он большой энтузиазм и радость духа, как ребенок он радовался о красоте, стараясь претворить и свою жизнь в творение искусства.

Истинным примером всем нам было большое устремление и преданность Ф.Д. РУКОВОДЯЩЕЙ РУКЕ. Учение представлялось ему пламенной лестницей, Учитель — Высшим Иерархом и Космическим Маяком, освещающим все тропинки его жизни. Его огненный дух, трепетно

звучащий на все общечеловеческие события, не мог не усмотреть также теперешнее бедственное состояние человечества, и сердце его болело об этом. Он понимал, что народы отошли от Космического Закона, потому подвержены они таким страданиям, потому и вступили они на край бездны. Он глубоко верил, что единственное спасение людей - в возвращении к Высшей Воле, к Иерархии Света. Он был, поистине, рыцарем новой, грядущей Эпохи Света, он искренно верил победе Света над тьмой, и старался в каждом зажечь искру света. Все время тяжелой болезни он горел и жил этой верой. Его сознание было насыщено огненной уверенностью, что истинно, настало время возвестить всем народам о Майтрейе, о Белом Братстве, об Иерархии.

Подвигом истинной преданности был также и уход Доктора. Он дошел до края бездны, но им водило безусловное доверие Руке Водящей. "Я исполнил все, что велела мне Высшая Воля", сказал он накануне ухода, "теперь мне легко" Он не преступил Высшей Воли нигде, даже в мелочах жизни, хотя воспринимал и сожигал все стрелы этой битвы в своем сердце.

Наш Друг ушел, в момент горения в Высшем Служении, ушел не уставший, но насыщенный самыми огненными энергиями мира, ушел для того, чтобы и впредь служить и сотрудничать на благо страждущего человечества. Но его великий труд еще продолжается в нас, излучения его духа, посеянные им в нас, все еще чувствуются в основах нашего жизнестроения, в наших мыслях и сердцах.

Пусть наши сердца преисполнятся радости и благодарности за все наследие, а также сознанием ответственности : что мы будем стараться быть достойными наследниками его духа и умножать огни, которые он в нас зажег.

Э. и Р. Рудзитис.

Проектан в обзоре
Друзей Музея Ревеля 28. II 1935 г.
на вечер памяти уходя-
щего Феликса Денисовича.

12 III
Л. Слетова.

"Утверждайте как свое строение Учение Наше. Дыхание преобразований пусть наполнит все Ваше существо," — этот завет Агни-Йоги полностью претворил в жизни своей покойный Феликс Денисович Лукин. Истинный служитель Света, он отдавал все свои силы работе на Общее Благо во имя Владыки и грядущей новой эпохи. Учение Живой Этики было для него основой всей жизни и, высоко неся светильник своего духа, он был для нас примером и мерилем наших устремлений. Весь он был полон духовного света, чистоты и любви. Ничего не отрицая, не злобствуя, он скорбел о заблуждениях и страданиях человечества и, полный любви и вмещения, старался внести свет везде где мог, пробудить хоть проблеск духа в каждом, с кем соприкасался. Ф.Д. умел понять каждого, он снисходил к ошибкам и поддерживал в слабости, но к себе не знал снисхождения. Упорно, неотступно и настойчиво он вел работу самоочищения, контролируя и исправляя себя во всем. Формула — "подражание Учителю" стала для него жизненной, действенной и непреложной. Он, поистине, горел духом и сердцем и напряженность своего горения он показывал нам путь восхождения. Все свои поступки, мысли, побуждения он соизмерял с Учением и широта его дерзновенного духа истинно творила любовь. Истинным Агни-Йогом, светлым водителем, иерархом он был для нас, как иерарха приняли мы его сердцем и несем память о нем как о чутком, бережном и любящем путеводителе.

Семь лет тому назад, в 1928. году в Риге возник маленький философский кружок из трех человек, которые под руководством д-ра Лукина занимались изучением Живой Этики. Очень скоро число членов возросло до двенадцати человек, которые собирались раз в неделю во врачебном кабинете доктора для изучения Учения. Так возник маленький очажек света и доктор бережно, любовно и устремленно поддерживал горение этого очажка. Он не раз говорил нам, что скоро нас станет много, что он про-

видит нашу силу и значение. Постепенно кружок рос, прибавлялись члены, стало тесно на собраниях доктора. В 1930. году кружок был зарегистрирован как Общество имени Рериха, взяла была квартира для Общества и мы вступили в новую фазу существования. Общество было поистине детищем доктора, он вложил много труда и творческой энергии в дело его развития. Как радовался он росту общества, тому, что Учение находит отклик в сердцах людей. "Нас не должно интересовать количество наших членов, важно лишь качество; но как радостно, что нас ищут, что жажда духа велика, " говорил доктор. Шесть лет мы провели с ним, шесть лет он помогал нам идти и расти. Он умел направлять и очищать. Смутные искания духа, под его влиянием становились осознанными, жизненными, непреложными. Каждого из нас знал доктор. Знал не как председатель общества своих членов, а как близкий человек, входящий во все тайники души. Он знал и внутреннее лицо каждого из нас, и его способности, и слабости, и возможности. Сила его чуткости открывала перед ним сердца и мы несли ему свои души открытыми. От доктора нельзя было утаить. Он все понимал, все знал сердцем, во всем помогал. Мы шли к нему с болью и радостью, с большим и малым, и уходили от него всегда с новыми силами, с новой энергией. Что-же было в нем? Свет и сила духа. Дерзновенность духа, незаметная и непреложная как жизнь. Он горел великим служением и от соприкосновения с ним тонуло все маленькое и личное. Бывало так, что приходишь к доктору с намерением сказать многое, а он задаст два-три вопроса, скажет две-три фразы, и все становится ясно, легко и просто и больше нечего сказать. Иногда упрекали доктора в некоторой суровости, но это была суровость соизмеримости и высоты, — доктор хотел, чтобы мы своей жизнью не роняли общество и Учение являлось для него критерием наших поступков. В нас он видел сотрудников Великого Строительства новой жизни и хотел сделать из нас д о с т о й н ы х сотрудников. Он верил в нас. Он знал, что если мы пришли к Учению, то для того, чтобы отдать себя Владыке и,

если мы это не умеем еще, то только по слабости, а не по нежеланию, и он помогал нам, укреплял в работе над собой, указывал слабости и ошибки, и всегда указывал на ответственность взятую нами на себя. Будучи нашим духовным руководителем, доктор никогда не подавлял нас ни своим авторитетом, ни своими знаниями. Он держал себя с нами как старший друг, и шущий вместе с нами. Бывало нередко, что какойнибудь вопрос бывал нам неясен и доктор тогда говорил: "давайте подумаем вместе, этого я еще не знаю," и если совместное обдумывание не давало ясности, доктор писал в Индию и делился с нами ответами. Так тесное духовное сотрудничество росло в нас под влиянием Ф.Д.

В пору начинающегося расцвета общества ушел от нас доктор, но дух, который он сообщил обществу, остался с нами. Будем же стараться, чтобы этот дух света, единения и сотрудничества сохранился среди нас. Сплотимся как можно теснее и в тесном единении, братстве и любви понесем свои силы на дальнейшее служение Свету. Погасим личные голоса, изгоним самость и будем помогать друг другу в общей работе проведения Учения в жизнь. Без осуждения, без обиды, с радостью совместного служения сплотимся, друзья, под знаменем Владыки. Пусть те стебли духа, которые вырастил в нас доктор, дадут мощные побеги, и это будет истинной благодарностью нашему светлому водителю давшему нам так неизмеримо много. Будем верить, что встретимся с ним в более совершенном сотрудничестве на благо человечества, и сольем наши укрепленные силы в совместном труде во имя Высшего.

Памяти Доктора Лукина.

Пустынный лев стерег твои дороги,
Ты шел в молчании Великого Пути,
Гореньем духа ты гасил тревоги,
Гореньем сердца превозмог мечты.

Забыв себя в крылатом устремленьи,
На Благо Общее ты отдавал свой труд
И красотой Великого Служенья
Был завершен твой дерзновенный путь.

Как передать пронизанность тобой,
В каких словах воздать тебе хвалу?
Ты был отцом, водителем, судьей,
Шесть долгих лет, как шесть лучей во тьму.

Ты вел к познанию, мы познали духом,
Ты звал на подвиг — мы устремлены.
Ты нас растил, — так внемли чутким слухом
И передай — уже готовы мы.

Ты верил в нас, — мы не обманем веры,
Ты нас любил — не предадим любви.
Ты был для нас блистательным примером,
Один из лучших сыновей земли.

Л. С л е т о в а .